

**Павел Григорьевич
Антокольский
1.07.1896 - 9.10.1978**

*Встань во весь рост , гляди в живые лица,
В загадочные действия людей,
Осмелся их весельем веселиться,
Их горькими заботами владей.*

Павел Антокольский

Ночью

Мы вышли поздно ночью в сенцы
Из душной маленькой избы,
И сказочных флуоресценций
Шатнулись на небе столбы.
Так сосуществовали ночью
Домашний и небесный кров,
И мы увидели воочью
Соизмеримость двух миров,—
Родство и сходство их от века,
Ликующие в них самих,
Когда в сознание человека
Всё проясняется на миг,
Когда вселенная влюбленно
И жадно смотрит нам в глаза
И наготово раскаленной
Притягивает нас гроза.

1975

- Родился 19 июня (1 июля н.с.) в Петербурге в семье адвоката. Главным увлечением детства было рисование акварелью и цветными карандашами. В 1904 семья переехала в Москву, где в скором времени будущий поэт поступил в частную гимназию. В старших классах началось его увлечение поэзией, театром, декламацией. Он вел к тому же рукописный журнал. Окончив гимназию в 1914, через год он поступил на юридический факультет Московского университета, но ему не суждено было стать юристом. Его судьбу решили занятия в Студенческой драматической студии, которой руководил Е. Вахтангов. Он стал актером, затем - до середины 1930-х - режиссером в Театре им. Е. Вахтангова.
- С началом революции служил в жилотделе Моссовета ради сохранения Студии, которая скоро превратилась в Театр Народа у Каменного моста. В 1918 странствовал с бригадой актеров по фронтовым дорогам Западного фронта, затем служил в разных московских театрах.

- В 1920 стал посещать "Кафе поэтов" на Тверской, где встретился с В. Брюсовым, которому понравились стихи Антокольского, и он напечатал их в альманахе "Художественное слово" (1921). Первая книга "Стихотворения" была издана в 1922. На протяжении 1920 - 30 опубликовал несколько поэтических сборников: "Запад" (1926), "Действующие лица" (1932), "Большие расстояния" (1936), "Пушкинский год" (1938) и др. В годы Отечественной войны Антокольский был корреспондентом фронтовых газет, руководил труппой фронтового театра. В 1943 была создана поэма "Сын", посвященная памяти сына, погибшего на фронте.
- Творчество П. Антокольского наиболее полно представлено в книгах: "Мастерская" (1958), "Высокое напряжение" (1962), "Четвертое измерение" (1964), "Время" (1973), "Конец века" (1977) и др.
- Антокольскому принадлежит несколько книг статей и воспоминаний: "Поэты и время" (1957), "Пути поэтов" (1965), "Сказки времени" (1971).
- Антокольский известен и как прекрасный переводчик французской поэзии, а также поэтов Грузии, Азербайджана, Армении и др.
- Прожил долгую жизнь, П. Антокольский скончался в 1978 в М.

ПОЭТ, МАСТЕР, УЧИТЕЛЬ

Летучее, легкое имя - Антокольский, в котором и ток, и поток, и токай...

Он родился поэтом, и всегда, и сейчас для него это самое главное. Сильнее напастей и бед, потерь и утрат. Он не играет в сильную личность, пророка или судьбу.

Он всегда весело играет словом. Он весь раскрывается в слове. Оно - его жизнь, его боль и радость.

Но он не игрушка словесной стихии. Он мастер. Он умело управляет цепными реакциями поэтической речи. Он умеет и в самом эксперименте сохранить истинный накал чувств. Он все умеет в поэзии. Этого одного достаточно, чтобы назвать его учителем

ДАВИД САМОЙЛОВ

Мне часто видится знакомый кабинет,
Где спит История, не тронутая тленом,
Где равнодушию на полках места нет,
Где тень Вахтангова беседует с Верленом,
Где говор родины, то нежен, то суров.
Течет и пенится рекою своевольной,
Где несмолкаемая музыка миров
Всегда колышется над лампою настольной.
Где, в неизвестное вперяя смелый взор,
Над каждым замыслом волнуясь и гадая.
Всегда готовая в любой ввязаться спор,
Неутомимая и вечно молодая,
Любые горести размалывая в прах,
Не добегающая ни смерти, ни

Пушкин 1926

Ссылка. Слава. Любовь. И опять
В очи кинутся версты и ели.
Путь далек. Ни проснуться, ни
спать —
Даже после той подлой дуэли.

Вспоминает он Терек и Дон,
Ветер с Балтики, зной
Черноморья,
Чей-то золотом шитый подол,
Буйный табор, чертог Черномора.

Вспоминает неконченный путь,
Слишком рано оборванный
праздник.
Что бы ни было, что там ни будь.
Жизнь грозна, и прекрасна, и
дразнит.

Так пируют во время чумы.
Так встречают, смеясь, командора.
Так мятеж пробуждает умы
Для разрыва с былым и раздора.
Это наши года. Это мы.

Пусть на площади, раньше
мятежной,
Где расплющил змею истукан,
Тишь да гладь. Но не вихорь ли
снежный
Поднимает свой пенный стакан?

И гудит этот сказочный топот
Оживает бездушная медь.
Жизнь прекрасна и смеет шуметь,
Смеет быть и чумой и потопом.
Заливает! Снесла берега,

Залила уже книжные полки.

И тасует колоду карга
В гофрированной белой
наколке.

Но и эта нам была дорога.

Так несутся сквозь свищущий
вихорь

Полосатые версты дорог.

И смеется та бестия тихо.

Но не сдастся безумный игрок!

Всё на карту! Наследье усадеб,

Вековое бессудье и грусть...

Пусть присутствует рядом иль
сзади

Весь жандармский корпус в
засаде, —

Всё на пулю, которую всадит

Кто в кого — неизвестно. И
пусть...

Не смертельна горящая рана.

Не кончается жизнь. погоди!

Не светает. Гляди: слишком рано.

Столько дела еще впереди.

Мчится дальше бессонная стужа.

Так постой, оглянись хоть на миг.

Он еще существует, он тут же,

В нашей памяти, в книгах самих.

Это жизнь, не застывшая
бронзой,

Черновик, не вошедший в тома.

О, постой! Это юность сама.

Это в жизни прекрасной и
грозной

Сила чувства и смелость ума.

В моей комнате *Геннадью Фишу*

В моей комнате, краской и лаком блестя, Школьный
глобус гостит, как чужое дитя.

Он стоит, на косую насаженный ось,

И летит сквозь пространство и время и сквозь
Неоглядную даль, непроглядную тьму,

Почему я смотрю на него - не пойму.

Школьный глобус,- нехитрая, кажется, вещь.

Почему же он так одинок и зловещ?

Чтобы это понять, я широко раскрыл

Мои окна, как шесть серафических крыл.

Еще сини моря, и пустыни желты,
И коричневых гор различимы хребты.
Различима еще и сверкает огнем
Вся Европа, бессонная ночью, как днем,
Вся вмещенная в миг, воплощенная в миф,
Красотою своей мудрецов истомив,
Финикийская девочка дышит пока
И целует могучую морду быка,
Средиземным седым омываемая,
Обожаемая, не чужая - моя!
Школьный глобус! Он школьным пособием был,
Но прямое свое назначенье забыл.
И завыл, зарыдал на короткой волне,
Телеграфным столбом загудел в вышине:

Люди! Два с половиной миллиарда людей,
Самый добрый чудак, самый черный злодей,
Рудокопы, министры, бойцы, скрипачи,
Гончары, космонавты, поэты, врачи,
Повелители волн, властелины огня,
Мастера скоростей, пощадите меня!

1962

